

5. См.: http://www.usembassy.ru/embassy/print_transcript.php?record_id=146

6. См.: Программа партии «Справедливая Россия» // <http://www.spravedlivo.ru/about/documents/>

7. См.: Программа партии КПРФ // <http://www.kprf.ru/party/program/>

8. См.: Партийная программа ЛДПР // <http://ldpr.ru/ldpr/programm/>

9. См.: Партийная программа СПС // <http://sps.ra/?id=214522>

10. Сурков В. Русская политическая культура // Стратегия России. 2007. №7

Е. Г. Дьякова

«ИНФОРМАЦИОННОЕ НЕРАВЕНСТВО» С ПОЗИЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКЦИОНИЗМА: КТО ЯВЛЯЕТСЯ НОСИТЕЛЕМ РИТОРИКИ ТРЕБОВАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА?

Дьякова
Елена Григорьевна

доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник
ИфиП УрО РАН, руководитель
Рабочей группы по развитию
информационного общества в
России Общественной палаты
РФ.

Теория конструирования социальных проблем исходит из того, что они являются не объективно существующими социальными дисфункциями, которые приводят общество в неравновесное состояние (как трактует их функционализм), и тем более не проявлением и следствием классовых и иных социальных противоречий (подход, характерный для марксистской социологии), а результатом борьбы за право субъективного определения социальных условий как проблемных. Основоположники конструкционистского подхода М. Спектор и Дж. Китсьюз определяли социальные проблемы как «деятельность индивидов или групп по выражению недовольства и выдвижению утверждений-требований относительно некоторых предполагаемых условий». Ключевым в данном определении является понятие «утверждений-требований», т.е. риторики требовательного характера в публичном пространстве. Вопрос о том, существует ли условие, относительно которого выдвигаются требования, в разных направлениях конструкционизма решается по-разному. С точки зрения феноменологического конструкционизма он должен быть «заклучен за скобки» и подвергнут редукции, чтобы избежать риска соскальзывания в объективизм и эссенциализм. С точки зрения контекстуальной версии конструкционизма, необходим анализ социального контекста возникновения риторики требовательного характера, при четком осознании того, что она не сводима к этому контексту.

Конструкционистский подход в обоих его версиях помещает в центр внимания вопрос о том, кто является субъектом конструирования проблемы, т.е. чьи утверждения-требования превращают ее в предмет общественного внимания. Согласно классической модели, конструирование социальной проблемы начинается с того, что некая группа (группы) заявляют, что некое существующее условия является вредным, оскорбительным и нежелательным и пытаются сделать его предметом общественного внимания. Затем происходит легитимация данной группы со стороны официальных институтов, что предполагает некую

официальную реакцию и поиски путей решения проблемы, и может породить новый цикл, связанный с недовольством представителей группы-инициатора бюрократическим подходом к решению проблемы, и даже отказ группы от участия в деятельности официальной организации и разворачивание параллельных институтов решения проблемы.

Следует учесть, что конструирование социальных проблем происходит в условиях жесткой конкуренции за доступ к публичному пространству. Как сформулировано в теории публичных арен С. Хилгартнера и Ч. Боска, общественное внимание и пропускная способность СМИ являются ограниченными ресурсами, и поэтому далеко не все утверждения-требования доходят до стадии легитимации и превращаются в «реальные» социальные проблемы.

Особый интерес с точки зрения социального конструкционизма представляет собой процесс появления новых, нетрадиционных социальных проблем. Как показал Д. Лозик, ни одна проблема не может быть сконструирована как абсолютно новая, так как «совершенно новые утверждения-требования могут быть безуспешными, если аудитория не обладает категориями, позволяющими их понять». Поэтому при выдвижении новой проблемы используются две основных дискурсивных стратегии: конструирование ее как частного случая или следствия уже существующей проблемы, или расширение содержания категории, обозначающей уже известную социальную проблему, чтобы включить в нее новые утверждения-требования.

Проблема «информационного неравенства», или, в более жесткой риторической формулировке «цифрового раскола», относится к числу новых социальных проблем. Под «информационным неравенством» понимается неравенство в доступе к современным информационно-коммуникационным технологиям. Оно рассматривается как проявление и частный случай социального неравенства, поскольку «пораженными в информационных правах» оказываются прежде всего социальные низы, в том расширительном толковании, какое дает этому понятию постмарксистская социология (где акцент делается не на традиционном классовом неравенстве, а на сексизме, расизме, эйджизме и т.п.). В связи с этим логично было бы предложить, что субъектом утверждений-требований об информационном неравенстве являются некие институты гражданского общества, которым удалось пройти стадию легитимации, а сама она формулируется в рамках традиционной левой «риторики равенства».

Однако это не так. На самом деле понятие «цифровой раскол», было сформулировано в 1996 году вице-президентом Соединенных Штатов Америки А. Гором в так называемом

«Докладе Клинтона-Гора» в Ноксвилле, причем в основе его выступления лежала не «риторика равенства», а традиционная «риторика американской мечты». Выступая в Университете штата Теннесси в ходе предвыборной компании, Гор заявил: «We challenged the nation to make sure that our children will never be separated by a digital divide. And America has responded to that challenge». Адекватно перевести эту фразу чрезвычайно сложно, что косвенно доказывает глубокую укорененность риторики вызова и ответа на вызов в американской культуре. Затем Б. Клинтон, представленный как «лидер, который стремится сделать так, чтобы каждый ученик, и каждая семья в Америке получили возможность участвовать в нашем беспредельном технологическом будущем», в речи, перегруженной традиционными тропами, повторил: «Может возникнуть огромный цифровой раскол. Если мы не распространим как можно шире развивающиеся знание и технологию, они могут начать работать на усиление неравенства, напряженности и тревоги людей. Но если мы будем поступать правильно, они станут великой силой, которая поможет нам ответить на вызовы [времени] и соединенными усилиями защитить наши ценности».

Таким образом, «цифровой раскол» изначально возникает как легитимированная социальная проблема и попадает в сферу действия больших государственных нарративов, и прежде всего – государственных программ информатизации. Поэтому некоммерческим организациям приходится предпринимать усилия для того, чтобы присвоить себе эту проблему и обосновать свое право на выдвижение утверждений-требований в ее рамках. Иными словами, цикл конструирования проблемы «цифрового неравенства» носит обратный характер по сравнению с классическим циклом, описанным в социальном конструкционизме.

Характерно, что попытки общественной, неофициальной легитимации проблемы «цифрового неравенства» идут без особого успеха. Это убедительно показал осуществленный в 2006 году группой европейских ученых под руководством Яна Сервэ и Нико Карпентье анализ первого этапа Всемирной встречи по информационному обществу, завершившегося в Женеве в 2003 году. На этой встрече была впервые сделана попытка объединить в едином публичном пространстве государственные и общественные структуры, что сразу породило ситуацию взаимного непонимания, вызванную принципиальной разницей риторических требований. Если представители государственных структур, участвовавших во Встрече, стремились как можно четче описать уровни управления и основных агентов информатизации (включая неправительственные организации), взаимодействующих на международном и региональном уровне, и делали акцент на эффективности их деятельности, то «третий сектор» был изначально ориентирован на преодоление фрагментации и максимальное включение граждан в процессы построения информационного общества. Однако тунисская Встреча показала, что пока позиции «третьего сектора» очень слабо проработаны и остаются на уровне абстрактной левой риторики «всеобщего равенства».

В целом можно сделать вывод о том, что «информационное неравенство» как социальная проблема конструируется в рамках большого модернистского государственного нарратива, что

задает вполне определенные способы ее решения.

Ситуация, сложившаяся в России, в этом плане мало отличается от общемировой. И у нас легитимация проблемы информационного неравенства осуществляется государственными органами, прежде всего в рамках Федеральной целевой программы «Электронная Россия» и «Стратегии развития информационного общества в России». Стратегия – это прежде всего политический документ, и в ней четко сформулированы основные направления информатизации, которые должны обеспечить выход нашей страны в число лидеров глобального информационного общества: «формирование современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, предоставление на ее основе качественных услуг и обеспечение высокого уровня доступности для населения информации и технологий».

Соответственно, и государство, и бизнес, занимаясь информатизацией, в первую очередь озабочены проблемами технического и технологического порядка: что строить, как строить, как повысить эффективность использования ИКТ. В то же время вопрос: для кого строить? – зачастую остается в стороне. Информационное неравенство понимается как неравенство в физическом доступе к информационно-компьютерным технологиям и основные усилия по его преодолению направляются именно в эту сферу.

Проблема физического доступа в нашей стране сейчас активно решается, особенно в ходе реализации приоритетного национального проекта «Образование», одним из важнейших направлений которого стала недавно завершившееся подключение всех российских школ к Интернету. Активно создается сеть пунктов общественного доступа в Интернет (программа «Киберп@чта» и другие), также способствующая росту физической доступности современных коммуникационных технологий. Конечно, физическая доступность может существовать на разных уровнях. Пока в России проблемой являются наиболее современные формы доступа (прежде всего широкополосный доступ и беспроводной доступ), но очевидно, что данная проблема может и будет решена совместными усилиями государства и бизнеса.

В то же время другие, «общественные» аспекты информационного неравенства пока не получили достаточной легитимации. А ведь оно не сводится только к физическому доступу: необходимо, чтобы граждане могли этим доступом воспользоваться, т.е. имели соответствующие навыки и умения. За неравенством по уровню компьютерной/информационной грамотности населения скрываются еще два тесно связанных между собой аспекта информационного неравенства. Во-первых, это проблема отсутствия мотивации, когда люди не хотят пользоваться информационно-компьютерными технологиями, хотя и имеют такую возможность, а во-вторых, проблема недостаточного контента. Для легитимации этих аспектов информационного неравенства в Общественной палате РФ была создана Рабочая группа по развитию информационного общества в России, цель которой – обеспечить публичное обсуждение и общественную экспертизу процессов информатизации, тем самым увеличив общественное внимание к данной проблеме, и повысив «качество» данного внимания.